

GLOBAL PARTNERSHIP
ON DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC COOPERATION

Proceedings of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation, Moscow, 2015. DOI: 10.17809/07(2015)-GP

UDC 821.161.1.09:13 | DOI: 10.17809/07(2015)-16

МЕТАФИЗИКА АНТИАМЕРИКАНИЗМА У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

А.Л. Ренанский¹

Образ Америки рассматривается здесь в следующих аспектах: как хронотоп художественного мира Достоевского, как мотив мифопоэтики (mithopoetics) и важный элемент семиотической модулирующей системы писателя (semiotic simulation system), а также как феномен народного утопического сознания. Одна из устойчивых утопических идей Запада получила свое оформление в идиоме American Dream. Для многих европейцев Америка стала той обетованной землей, где их утопии превращались в реальность. В русской фольклорной традиции тема экспатриации была связана с поиском Святой Земли или с путешествием за потусторонним магическим знанием, которое традиционно соотносилось с экзотической чужбиной, либо, наконец, с бегством в преисподнюю, вызванным демоническим искушением. Если на Западе представления об Америке

¹ Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Россия. E-mail: renan@mail.ru.

© Автор, все права защищены; лицензия – Глобальное партнерство по развитию научного сотрудничества, 2015.

оформились в мифологему американской мечты, то в русском национальном сознании они изначально развивались в формах антиутопии, что объяснялось исконным восприятием Запада как потустороннего мира. Это архаичная установка во многом и определила значение Америки в художественной космологии Достоевского, в образе которой явственно проступают архетипические черты вселенского бесовского града, соотнесенного с библейско-гностическим Вавилоном.

Америка у Достоевского выступает и как метафора безграничного эгоцентризма, ведущего к отъединению от людей и неизбежному отпадению от Бога. Идея бегства в Америку, в понимании писателя, это всегда зов Хаоса, искушение иррационального, когда губительная идея-страсть увлекает человека в кромешный антимир.

Ключевые слова: Америка; Достоевский; эмиграция; мотив бегства в Америку; мифологема; *American Dream*; американская мечта; утопическое сознание; обетованная земля; семиотика пространства.

При изучении словаря языка Достоевского обращает внимание достаточно высокая частотность топонима *Америка* и производных от неё словоформ. Эта очевидность становится особенно симптоматичной в сравнении с лексикой его современников Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Лескова и Л.Толстого.

Только в художественных текстах Достоевского содержится около девяноста таких словоформ. Уже этот лингвистический факт свидетельствует об особом значении Америки в системе художественного мира писателя и ее особом *хронотопическом* статусе. Описать семантику и семиотические функции

этого хронотопа можно лишь при рассмотрении всех контекстов его словоупотребления: как в художественных текстах, так и в публицистике и эпистолярной Достоевского. Это позволило бы осмыслить хронотоп *Америки* как важный элемент его семиотической моделирующей системы, без которого авторская картина мира была бы неполной и неадекватной. Столь же существенно значение хронотопа *Америки* и в мифопоэтике писателя. Наиболее последовательно и полно эта мифологема раскрылась в сюжетном мотиве *бегства в Америку*, который начал оформляться в русской литературе именно в творчестве Достоевского. Было бы интересно проследить и за тем, как по-разному формировались этнокультурные стереотипы восприятия Америки в западноевропейском и русском общественном сознании.

Одна из устойчивых утопических идей Запада получила свое оформление в идиоме *American Dream*. Историк американской литературы Джилберт Чайнард писал по этому поводу: «...идея Америки сама становилась частью культурной традиции Европы. Как состояние ума и как мечта Америка существовала задолго до того, как ее открыли. С самых ранних дней западной цивилизации люди мечтали о потерянном Рае, о Золотом веке, где было бы изобилие, не было войн и изнурительного труда. С первыми сведениями о Новом Свете возникло ощущение, что эти мечты и стремления становятся фактом, географической реальностью, открывающей неограниченные возможности» [21, с. 245].

Путь каждого пилигрима в Америку, даже чисто физическое преодоление гигантского пространства от Старого Света к Новому, самым существенным образом определял их будущую линию жизни. Смысл этой бесконечно-мучительной морской инициации – в укрощении и приручении пространства. Каждый человек, ступавший на землю Америки, нес в себе радикально преображенный образ мира, способствующий буду-

щему становлению планетарного сознания. Новое пространственно-временное понимание бытия было главным завоеванием пионеров Америки, их «золотым руном», как и у другого героя странствий – мандельштамовского Одиссея. В этом контексте пространство и время выступают как метафоры умудрённости и проникновения в суть мироздания:

... Всю дорогу шумели морские тяжёлые волны,
И покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный [17, с.189].

Характерно, что один из первых предренессансных трактатов, отразивших это новое восприятие жизни, как санкционированной самим Богом идеи множественности миров, был создан не философом или богословом, а путешественником Марко Поло, рассказавшем о своих странствиях в «Книге о разнообразии мира» (1298 г.).

Критики европейской цивилизации постоянно сравнивали простую и гармоничную жизнь полудиких «детей природы» со сложным и безрадостным существованием цивилизованных людей. Одним из первых литературных воплощений *американской мечты* в форме наивной апологии первобытного примитивизма стала книга француза Лаонтена «Диалоги между американским дикарем и автором», вышедшая в 1703 году. Но почти за двести лет до этого, на только что открытых землях Нового Света свое идеальное государство Утопия замыслил Томас Мор. Эта мечта о земном Рае породит в будущем немало революционных идей, поскольку первые же американские утопии пытались доказать, что человечество не было обречено на социальное неравенство из-за каких-то извечных пороков одних и исконных добродетелей других. Потому-то Вольтер и мог утверждать в своих «Письмах из Англии», что основатель первой

английской колонии Уильям Пенн принес на землю Золотой век, считавшийся до этого лишь выдумкой поэтов.

Свой новый контекст мифологема *американской мечты* обрела после войны за независимость. Уже тогда многие чувствовали значимость этого события не только для будущего Америки, но и для судеб мира.

«Я, наверное, не впаду в чрезмерное преувеличение, – заметил как-то один из друзей Б.Франклина, – если скажу, что после распространения христианства среди человечества Американская революция может стать самым важным шагом в ходе человеческого совершенствования» [21, с. 250].

Для многих европейцев Америка стала той обетованной землей, где их утопии превращались в реальность. Это была земля, куда после безуспешных экспериментов в Англии приехал Роберт Оуэн и где он смог организовать свою *Новую Гармонию*. Это была земля, на которой немец Рапп основал коммунистическую фаланстеру *Экономия*. Это была земля, на которой Кольридж намеревался основать свою *Пантисократию*. Невозможно было и подумать о воплощении теорий Фурье в любом из европейских хозяйств, а здесь группа писателей из Новой Англии провела свой знаменитый, хотя и незавершенный эксперимент в Брук Фарм. Так *американская мечта* становилась идеологическим оформлением и практическим воплощением многих европейских утопий. Возможно, что под впечатлением этих социальных экспериментов Гегель писал во вступлении к «Философии истории»: «Америка, таким образом, является землей будущего, где в предстоящие века раскроется смысл истории старого мира <... > Эта желанная земля для всех тех, кому надоел исторический чулан Европы» [1, с. 21].

Иные метафизические основания определяли цели и пути русской эмиграции или, говоря слогом Достоевского, экспатриации.

В русской народной традиции странничество вдали от родины было вызвано поиском *Святой земли* или потустороннего магического знания, всегда искомого только на экзотической чужбине, либо, наконец, каким-то демоническим искушением.

Одна из важнейших аксиологических категорий в семиотике пространства, обусловленная суточным появлением и исчезновением солнца, выражалась в оппозиции *восток – запад*. Символика *востока* определяется такими понятиями как изначальность, святость, праведность, справедливость, жизненная сила, изобилие и благополучие. Символика *запада* определялась исчерпанностью, упадком, неправедностью, нечистотой и смертью. Древние славяне верили, что запад был жилищем сатаны, а восток – сферой Бога, и только туда следовало обращаться со словами молитвы. И если всё время идти на восток, можно дойти до Рая, а если на запад – то до Ада.

Памятники древнерусской письменности содержат немало свидетельств о том, что легенды о вольных, богатых и праведных землях, окружающих Русь, были известны издавна. «Еще в XIV веке в послании архиепископа новгородского Василия Калики к тверскому епископу Федору обсуждался вопрос о *мысленном* и *сущем* Рае. Василий утверждал существование Рая, который можно увидеть и в который можно проникнуть и ссылался при этом на неких новгородцев, которые видели его во время одного из путешествий» [16, с. 35].

Северный вектор русского странничества был в значительной степени определен легендами о *сокровенном граде Китеже*. Известная по многим спискам «Повесть и взыскание о граде Китеже» зовет человека с «нераздойным умом и верою неизменною», бесповоротно решившего стать «насельником» Китежа, идти в него, обещая «благоутишное пристанище» [16, с. 220]. В полном противоречии с учением церкви, сулившей чело-

веку воздаяние небесной благодати за его земное смирение, в Китеже этой благодатью одаривали как раз протестующих и непокорных: «бежа бо от блудницы вавилонския темныя и скверные мира сего». Люди, взыскующие града Китежа, «печалуют день и ночь о отступлении нашем всего государства московского, яко антихрист царствует в нем» [16, с. 220].

Другой «обетованной землей» русской экспатриации – ее восточным вектором – стало Беловодье. Народные предания об этой земле относятся к тому же типу и комплексу утопий, что и *американская мечта*: с начала до конца XIX века множество староверов, поодиночке и партиями, часто с женами и детьми устремлялись на поиски земного Беловодского Рая. Судя по всему, Беловодье выступало как метафизическое понятие, символизирующее путь к истинной вере.

Юг в типологии русского странничества соответствовал *вектору воли* – это, прежде всего, Запорожская Сечь. Бегство в казачью вольницу воспринималось как переход в сферу инобытия. В самом топониме этимологически задан хронотоп *порога*, переступаемого беглецами по пути в загробное *за-порожье*.

Западный вектор русской эмиграции – Литва и Польша – был традиционно связан с политическим инакомыслием и поиском гражданских свобод. Люди, бежавшие на Запад, испокон веков и чуть ли ни до нынешних дней традиционно клеймились как изменники и предатели Родины (по этому пути, кстати, прошел и далекий предок Достоевского боярин Ртищев, который покинул Русь вместе с уездным князем Иваном Васильевичем, не поладившим с великим князем московским Василием Тёмным).

Метафизические аспекты русской экспатриации, равно как и мифологическая семиотика пространства во многом преопределили тот контекст, в котором формировались этнокультурные стереотипы восприятия Америки, в том числе и столь ро-

ковой для русского общества феномен антиамериканизма. Если на Западе представления об Америке почти сразу же приняли утопическую форму *американской мечты*, то в русском национальном сознании они изначально развивались в формах антиутопии, обусловленной исконным восприятием Запада как *потустороннего мира*. Из общественного сознания этот мифологизированный образ начинает вытесняться лишь в конце XVIII века, в период наиболее активного заселения западного побережья Америки русскими людьми. Процесс этот был столь интенсивным, что уже к началу 20-х годов XIX века русские поселения тянулись чуть ли не по всему тихоокеанскому побережью: от Берингова пролива до залива Сан – Франциско.

Сближению отечественной публики с Новым Светом чрезвычайно способствовали дорожные очерки русских путешественников. Начало этому, столь популярному жанру русской журналистики положило описание, вышедшее в 1791г. в Петербурге под названием «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шеликова первое странствие с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Книга вызвала большой интерес и была переиздана в 1812 году. Автором интересных путевых очерков был чиновник Министерства иностранных дел П.П.Свиньин, объездивший за двадцать лет службы почти весь Старый и Новый Свет. Его «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», вышедший в Петербурге в 1815 году неоднократно переиздавался и был хорошо знаком не только столичным, но и провинциальным читателям России.

Новый образ Америки стал складываться в сознании первых русских либералов- западников. С наибольшей очевидностью он проявился в оде А.Радищева «Вольность» (1783г.), где понятия *свобода* и *Америка* выступают почти как синонимы:

О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь, свобода, - Вашингтон!
К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! А мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил [19, с. 163].

Комментируя американский мотив этой оды, историк литературы А.Николюкин пишет: «Классицистское мироощущение Радищева исключало мысль о бегстве в «словутую страну». Минутная мечта поэта, «чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл» тут же решительно отвергается в следующей строфе оды: «Но нет! Где рок судил родиться, / Да будет там и дням предел» [18, с. 191].

Бегство в Америку – как одна из устойчивых тем русской литературы впервые возникла у А. Пушкина. В 1834 году он записал в Дневнике анекдот об Александре I, услышанный от своего приятеля по «Арзамасу», русского посланника в Вашингтоне П.И. Полетика: по слухам, император, будто бы, собирался дать своим подданным конституцию и свободу, а затем отречься от трона и удалиться в Америку. Да и Джон Теннер, о котором Пушкин написал в 1836 году в «Современнике», видимо был интересен поэту как медиум меж Старым миром и варварской Аркадией индейцев.

В записных книжках П. Вяземского есть характерная выписка из французского журнала «Avenir», который издавал один из родоначальников христианского социализма аббат Ф.Ламенне: «Кто не укравался в мыслях своих в тень лесов и

дубрав Америки?» Эта фраза, в частности, свидетельствует и о том, что *бегство в Америку*, хотя бы в форме метафизического путешествия, было уже вполне привычным в репертуаре романтических мотивов. Известно, что после провала своей поэмы «Ганц Кюхельгартен», манией бегства в Америку был охвачен и Гоголь. Этот же выход видел для себя и молодой Белинский, писавший родителям, что если его «выключат из университета», то он отправится служить «в Сибирь, на Кавказ или в Североамериканские российские владения» [18, с.191]. А лермонтовский Печерин мечтал: «Как только будет можно, отправлюсь, - только не в Европу, избави Боже! – поеду в Америку, в Аравию, в Индию, - авось где-нибудь умру на дороге». В конце 30-х годов бежать в Америку собирался поэт и мыслитель В.С. Печерин, чтобы организовать там русскую общину и издавать при ней литературный журнал (см. об этом в его мемуарах «Замогильные записки». М., 1932, с. 130). А. Герцен, посвятивший Печерину главу в «Былом и думах», с сочувствием цитирует его письмо по поводу бегства «от тиранства материальной цивилизации» в «каленные пустыни Африки» или в «непроходимые леса Америки» [2, с. 262].

Мотив *бегства в Америку* продолжает развиваться на протяжении всего XIX века. Он явственно звучит у Гончарова («Лихая болезнь»), Чернышевского («Что делать»), Тургенева («Вешние воды»), Л.Толстого («Анна Каренина»), Чехова («Мальчики»), Короленко («Без языка») и др. В этом мотиве можно выделить несколько аспектов: тоска по романтическому идеалу первобытного Рая, крах нравственных ценностей и жизненных устоев и, наконец, демоническое бегство-возвращение на тот свет.

Формирование образа Америки в сознании Достоевского во многом определялось тем мифологическим образом мира, расщеплённого на антагонистические начала,

который доминировал в художественной космологии писателя. Для этого видения характерно противопоставление своего *мира-космоса* миру окружающему как *миру хаоса*. Эта архаическая традиция проявляется у Достоевского и в символической классификации пространства: авторская символика топонимов в художественном мире писателя более значима, чем информация об их реальных географических локусах. В этом смысле все топонимы Достоевского можно рассматривать как мифопоэтическую модель мира, т.е. определенную систему пространственных координат, устанавливающих место человека в мироздании, а также уточняющих границы *Космоса* и *Хаоса*. Наиболее очевидное выражение такого архаического восприятия пространства – *Америка* Достоевского, представленная в его текстах не как сколько-нибудь реальный географический топоним, а как символический локус поэтической космологии.

Американская тематика в современной Достоевскому русской прессе часто выступала как отправная точка при постановке многих проблем общественной жизни. Помимо переводных новинок американской художественной литературы, в поле зрения Достоевского находилось немало политической информации, путевых очерков и аналитических статей, посвященных различным сторонам жизни Северо-Американских Штатов. Частотность всех словоупотреблений топонима *Америка* в художественных текстах Достоевского можно представить в следующей таблице:

	<i>Америка</i>	<i>американский</i>	<i>американец/-ка</i>
Записки из Мертвого дома	2		
Зимние заметки о летних впечатлениях		2	
Записки из подполья	1		
Преступление и наказание	1	10	
Идиот	4	2	
Вечный муж	1		
Бесы	29	4	3
Подросток	8		
Братья Карамазовы	17	1	1+1

Рассмотрим наиболее устойчивые контексты этих словоупотреблений, а также некоторые характерные мотивы, образующие тему *Америки* у Достоевского. Впервые этот топоним встречается в «Записках из Мертвого дома» (1862г.) в разговоре каторжника Петрова и Александра Петровича Горянчикова, от лица которого и ведётся повествование: « А вот я хотел вас, Александр Петрович, спросить: правда ли, говорят, есть такие обезьяны, у которых руки до пяток, а величиной с самого высокого человека? <...> Я объяснил, сколько знал, и это.

- А где же они живут?
- В жарких землях. На острове Суматра есть.
- Это в Америке, что ли? Как это говорят, будто там люди вниз головой ходят? Я объяснил, что такое Америка и, по возможности, что такое антиподы. Он слушал так же внимательно, как будто нарочно прибежал для одних антиподов» [б, с. 83-84]. Характерно, что первое же проведение мотива *Америки* у Достоевского определилось фольклорной оппозицией *свой - чужой*. Эта оппозиция в мировой мифологии всегда обладала внутренней иерархичностью: один этнос оказывался более близким и понятным, другой, напротив – чуждым

и враждебным, но, в целом, все чужеземцы воспринимались как представители некоего *антимира*. Так, земли к востоку от Урала в древности представлялись русским как обиталище людоедов, безголовых людей и других чудищ. Столь же фантастическими образами наделялись и другие маргинальные локусы славянской ойкумены. Подобное видение мира было характерно для всех народов, в том числе и западноевропейских. Реликты этого архаического мировосприятия оказались очень стойкими и сохранялись там чуть ли не до XVII века. Даже в самый разгар колонизации Америки среди европейцев всё еще бытовало убеждение, что в чаще американских лесов живут какие-то полулюди с собачьими мордами или вовсе безголовая нелюдь с глазами и ртом на груди. Чтобы уберечь аборигенов Америки от полного истребления Папа Римский Павел III должен был особым посланием уведомить христианский мир о том, что индейцы Нового Света – тоже дети Господни.

Следующий американский мотив у Достоевского возникает в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863): «Теперь уж мы вполне европейцы и доросли. Теперь уж сам Гвоздилов сноровку держит, когда гвоздить приходится, приличие наблюдает, французским буржуа делается, а ещё немного пройдет, и, как североамериканец Южных штатов, текстами начнет защищать необходимость торговли неграми. Впрочем, защита текстами из американских штатов сильно и в Европу теперь переходит» [7, с. 47]. Иронический скепсис по поводу мессианской роли западного либерализма звучит и в «Записках из подполья» (1864): «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да ещё развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам всё наше девятнадцатое столетие, в котором жил и Бокль. Вот вам Наполеон – и великий, и теперешний. Вот вам и Северная Америка – вековечный союз. Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн» [8, с. 176].

Мотив *бегства в Америку* впервые возникает в романе «Преступление и наказание» (1866) и получает дальнейшее развитие в «Бесах» (1871- 72). Обращает внимание явное нарастание и усиление этого мотива в VI части романа. Её первая глава открывается авторской характеристикой того *странного времени*, которое наступило в жизни героя и полностью определило его сознание :«Для Раскольникова наступило странное время: точно туман упал вдруг перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение. <...> Порой овладевала им болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх» [15, с. 335]. В таком помрачённом состоянии и приходит Раскольникову мысль о бегстве в Америку. После убийства, в бессильном отчаянии он бормочет: «Лучше совсем бежать...далеко...в Америку, и наплевать на них! И вексель взять...он там пригодится». А потом уже и Свидригайлов советует ему, как избавиться от мук совести: «Если же убеждены, что у двери нельзя подслушивать, а старушонок можно лущить чем попало, в свое удовольствие, так уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку! Бегите, молодой человек!» [9, с. 373]. Но вот свою Аркадию решил искать в Америке и Свидригайлов. Первой его остановкой на этом пути стала гостиница «Адрианополь». Здесь, в мытарствах души кошмарно-бесконечной ночи Аркадию Ивановичу, должно быть, и открылось, что от ада в себе бежать некуда. И что надо искать какую-то другую Америку, какое-то другое, *хорошее место*. Хорошее место вскоре нашлось.

«У запертых больших ворот дома стоял, прислонясь к ним плечом, небольшой человек, закутанный в серое солдатское пальто и в медной ахиллесовской каске. Дремлющим взглядом, холодно покосился он на подошедшего Свидригайлова. На лице его виднелась та вековечная брюзгливая скорбь,

которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени. <...>

— А-зе, сто-зе вам и здесь на-а-до? — проговорил он, все еще не шевелясь и не изменяя своего положения.

— Да ничего, брат, здравствуй! — ответил Свидригайлов.

— Здесь не места.

— Я, брат, еду в чужие края.

— В чужие края?

— В Америку.

— В Америку?

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок» [9, с. 394].

Судя по материалам русской периодики 70-х годов, тема *эспатриации* в Америку была достаточно злободневной и понятно, что Достоевский не мог на неё не отозваться. Комментируя в *Дневнике писателя* за 1873 год газетное сообщение о бегстве в Америку трёх гимназистов, он писал: «Я знаю, что это не первые гимназисты, что уже бежали и раньше их и другие, а те потому, что бежали старшие братья и отцы их... Винить ли таких маленьких детей, этих трёх гимназистов, если и их слабыми головами одолели великие идеи о “свободном труде и свободном государстве” и о коммуне и об общеевропейском человеке» [14, с. 135]? Содержит ли комментарий писателя попытку анализа этого нового феномена русской жизни? Едва ли. А попытался ли Достоевский понять, почему всё-таки дети решились бежать? Тоже нет. Выходит, что дети бежали, потому что бежали «старики, отцы, братья, девы, гвардейские офицеры». А они-то почему бежали?

Известный исследователь творчества Достоевского А.С. Долинин обратил внимание на ещё один случай не вполне адекватного осмысления фактов реальной жизни: «В газете *«Голос»*

осенью 1874 года писатель прочитал поразительное известие: 315 семей менонитов, числом до 1500 человек, уехали через Гамбург в Америку. Все эти переселенцы продали свои дома и хозяйства и отправились в Америку искать лучшей жизни. Это уже не беспочвенная интеллигенция, — замечает А. Долинин, — а самый коренной русский народ <...> Почему же Достоевский не вдумался в глубину этого факта?» [5, с.161].

Ещё один пример странной аберрации авторского восприятия можно найти в романе «Бесы». Читатель может заметить, что американское путешествие Шатова и Кириллова в романе почти ничем не мотивировано. Единственное объяснение, которое, вполне естественно, вызвало иронический комментарий Хроникёра, принадлежит самому Шатову: чтобы «испытать жизнь американского рабочего и таким образом личным опытом проверить состояние человека в самом тяжелом его общественном положении» [Достоевский, 1974]. Это объяснение взято Достоевским в кавычки, что само по себе весьма характерно: обычно писатель предпочитал скрывать источники своих заимствований. Между тем, для первых читателей «Бесов» источник, к которому восходит эта цитата был хорошо знаком — это путевые очерки П.И. Огородникова «Путешествие из Нью-Йорка в Сан-Франциско и назад в Россию», которые печатались в журнале «Заря» почти на протяжении всего 1870 года. Правда, в очерке П. Огородникова этот рассказ имел продолжение: «Но как я имею основание думать, — комментирует автор предшествующую реплику своего собеседника — его влекло сюда то же самое, что влечет и некоторых других Русских, это — взглянуть на могущественный организм политической и гражданской свободы. Что я ему и высказал. Он согласился, что это желание тоже входило в программу его поездки...» [15, с.21]. То, что Достоевский не придал никакого значения этому объяснению, достаточно характерно: видимо, для него она столь же нелепа и

смешна как и первая. Для автора сама идея *бегства в Америку* выступает как однозначный симптом, не требующий никаких толкований и дополнительных объяснений – это всегда зов Хаоса, искушение иррационального и необузданное влечение к небытию, которое вызывает у человека кромешный мир *Америки*.

Четыре американских месяца стали определяющими в жизни героев: Шатов, по словам Ставрогина, «переменил свои мысли» и, вернувшись в Швейцарию, хотел отказаться от участия в тайном обществе. А Кириллов, кроме атеизма, «належал» в Америке свою неподвижную идею о человекобоге: «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя... Кто смеет убить себя, тот Бог... Будет Богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли, и все чувств...» [11, с. 321].

В архетипическом сознании Достоевского Россия и Америка противопоставлены как два тотема: свой и родной – чужому и враждебному, поэтому в образе Америки писатель видит лишь черты вселенского бесовского града, сближаемого в его сознании с библейско-гностическим Вавилоном. (Стоит отметить, что и «железный занавес» и все кольчуги холодной войны ковались не одними идеологами большевизма, но от века к веку выковывались самим же народом из множества архаичных мифологем и этнических стереотипов, коренящихся в кромешном мире подсознания).

Особенно широкое развитие в романах Достоевского получил *мотив Колумба*. Этот мотив возник в русской литературе через посредство немецкой: в 1844 году Ф.Тютчев написал свободную вариацию на заключительные строки стихотворения Ф.Шиллера *Columbus*: «Тебе, Колумб, тебе венец! / Чертеж земной ты выполнивший смело / И довершивший наконец / Судеб неконченное дело...» [20, с. 178].

Близко к тютчевскому звучит этот мотив и в романе «Идиот» (1868г.). Об открытии Америки как акте творческой воли и о преобладающей ценности самого творческого процесса над его материальным результатом пишет в своих «Объяснениях» Ипполит: «О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал её; ... Дело в жизни в одной, в одной жизни,— в открывании её, беспрерывном и вечном, а совсем не в открытии!» [10, с. 327].

Тема Америки в романе «Подросток» проходит контрапунктом к основной теме романа – *ротшильдовской идее*. Версилов пронизательно чувствует, какие стихийные силы пробуждает эта искуссительная идея в душе Аркадия: «Тебе теперь именно хочется звонкой жизни, что-нибудь зажечь, что-нибудь раздробить, стать выше всей России, пронестись громовою тучей <...>, а самому скрыться в Северо-Американские Штаты» [12, с. 174].

Аркадий, пожалуй, единственный герой Достоевского, который хоть и ненадолго, но всё же испытал искушение *американской мечты*: «– Прощайте, Крафт! Зачем лезть к людям, которые вас не хотят? Не лучше ли всё порвать, – а?

А потом куда?– спросил он как-то сурово и смотря в землю.

К себе, к себе! Все порвать и уйти к себе!

– В Америку?

– В Америку! К себе, к одному себе! [12, с.60]

По мысли Достоевского, Америка выступает здесь как знак безграничного эгоцентризма, ведущего к отъединению от людей и неизбежному отпадению от Бога. Так, искуссительная *идея-страсть* увлекает человека в губительный *антимир*. Концепт Америки в сознании Достоевского и её место в художественной космологии писателя окончательно определяется в период работы над романом «Братья Карамазовы» (1880

г.). Американская тема воплощается там в нескольких мотивах: сговора с чёртом, отпадения от мира и оборотничества. Когда суд над Дмитрием Карамазовым стал клониться к неизбежному каторжному приговору, Иван предложил брату бежать в Америку, убеждая его в том, что «при добрых наклонностях» можно больше пользы принести, чем под землей» (в каторжных рудниках. – А.Р.). Но даже перед угрозой каторги, Митя ясно сознаёт, что это бегство от страдания, от пути очищения, от «трагического гимна Богу, у которого радость», от распятия. И уже чувствует, что Америка обернётся для него той же каторгой, не хуже сибирской: «Не хуже, Алексей, воистину говорю, что не хуже! Я эту Америку, чорт ее дери, уже теперь ненавижу» [13, с. 392]. Но план этот, как замечает Я.Голосовкер, «оказался выдумкой чёрта, потому что Америка – страна мошенников – по убеждению Мити, сама крепко связана с чёртом» [3, с. 27]. Чёрт смеётся и над Иваном, который, кстати, по его же признанию, тоже может оказаться в Америке, когда к тридцати годам захочет «бросить кубок об пол». Но теперь он решил признаться в суде, что отца убил Смердяков по наущению его – Ивана, а стало быть, он и есть подлинный убийца. А чёрт смеётся над ним и дразнит: «Совесь! Что совесь? Я сам ее делаю. Зачем же я мучаюсь? По привычке. По всемирной человеческой привычке за семь тысяч лет. Так отвыкнем и будем боги» [13, с. 491]. «Чёрт, по-существу, – продолжает Голосовкер, – как бы предлагает Ивану вместо гимна <...>, говоря иносказательно, бежать морально в ту же самую Америку, в которую Иван предлагал бежать Мите. Вот он – тот первый, кто выдумал проект бегства в Америку: чёрт выдумал» [3, с. 28].

Идеологическая концепция Достоевского ясна: есть только две формы общечеловеческой культуры – европейская и русская, самая свободная, ещё собирающаяся сказать своё слово – *Слово*, сулящее выразить все честные идеи западных

народов. Одной из важнейших составляющих мифологемы *американской мечты* было магическое слово *демократия*. Феномен американской демократии в различных его проявлениях и последствиях определял духовный опыт чуть ли не каждого путешественника по Новому Свету. Даже родоначальник «научного национализма» Н.Я.Данилевский в своем основном историческом труде «Россия и Европа» (1869 г.) выражал большую надежду на будущее сотрудничества России и Америки: «Если бы юное славянство и ещё более юная Америка разом выказали всю полноту и всё разнообразие заключающихся... в них сил, которые бы усугублялись плодотворным взаимодействием друг на друга» [4, с. 65]. Достоевский, однако, в такую возможность не верил или не хотел верить. Да и американская демократия как ложная форма соборности тоже никакой особой ценности для него не представляла. А как стратегия буржуазного противостояния хаосу, демократия, по мысли писателя, неизбежно приведет к ещё большему хаосу и злу. *Американская мечта* для Достоевского – это выморочная идея без духа и души, поэтому Америка и представлена у него лишь в формах демонически-фарсовой антиутопии. Свобода для Достоевского – понятие исключительно метафизическое, а потому нелепо искать её в социальных, экономических и политических сферах – это заведомый самообман. Так же мало значима для писателя и другая составляющая *американской мечты* – материальное благосостояние. Человечество только начинало мечтать о *светлом будущем* – о земном рае материального изобилия и гражданских свобод, а Достоевский, судя по всему, уже затосковал, почувствовав его выморочную пустоту и нищету его богатства: «Не пугайте меня вашим благосостоянием, вашими богатствами, редкостью голода и быстротой путей сообщения! Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало» [14, с. 273]. И потому нужно проводить в жизнь не новые социально-

экономические программы материального мироустройства, а иной тип существования, не провоцируемый материально-вещной похотью, потребительским вождением и технологической продуктивностью. Этот духовный тип существования, эту утраченную силу и связующую мысль Достоевский, как известно, видел и утверждал лишь в *русской идее*.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гегель Г. Лекции по философии истории. – М., 1935.
2. Герцен А.И. Былое и думы. – М., 1962.
3. Голосовкер Я. Достоевский и Кант. – М., 1963.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Гниёт ли Запад? // Заря. – 1870. – №4.
5. Долинин А.С. Последние романы Достоевского. – М.-Л., 1963.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание соч. в 30-ти тт. Записки из Мертвого Дома. – Т.4. –Л., 1972.
7. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Зимние заметки о летних впечатлениях. – Т.5. – Л., 1973.
8. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Записки из подполья. – Т.5. – Л., 1973.
9. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Преступление и наказание. – Т.6. – Л., 1973.
10. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Идиот. – Т.8. – Л., 1973.
11. Достоевский Ф.М. ПСС. В 30-ти тт. Бесы. – Т. 10. – Л., 1974 .
12. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Подросток. – Т.13. – Л., 1975.
13. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Братья Карамазовы. – ТТ. 14-15. – Л., 1976.
14. Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Дневник писателя за 1873 год . – Т.21. – Л., 1978.
15. Заря. – 1870. – №12.
16. Казакова Н.А. Еретические движения на Руси XIV□ начала XVI вв. – М.-Л., 1955.
17. Мандельштам О.Э. Сочинения в 2-х томах. – Т.1. – М., 1990.

18. Николюкин А.Н. Взаимодействие литератур России и США. – М., 1987.

19. Радищев А.Н. Ода «Вольность». Русские поэты. Антология в 4-х тт. – М., 1965.

20. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. – Л., 1957.

21. Чайнард Д. Американская мечта. // Литературная история Соединенных Штатов Америки. – Т. I. – М., 1977.

22. Чистов К. Русские народные социально-утопические легенды. – М., 1967.

METAPHYSICS OF ANTIAMERICANISM AT F.M. DOSTOEVSKY

The image of America is treated in this article in the following aspects: as a chronotope of the art world of Dostoyevsky, a motive of mythopoetics and an important element of the writer's semiotic simulation system, as well as a phenomenon of national utopian consciousness. One of the stable utopian ideas of the West is very well reflected in the idiom the American Dream. For many Europeans, America has become the Promised Land where their utopias turned into reality.

In the Russian folklore tradition, the theme of expatriation was connected with the search for the Holy Land or with the travel in search of otherworldly magical knowledge which traditionally correlated with some exotic foreign land or with the flight to the Underworld caused by some demonic temptation. While in the West the concepts of America were reflected in the mythologeme of the American dream, in the Russian national consciousness they initially developed into anti-Utopia – a fact easily explained by the primordial perception of the West as the Other World.

This archaic perception has defined the role of America in Dostoyevsky's cosmology in many respects. The reader can easily see in it the archetypal characteristics of the universal diabolical town associated with the biblical Gnostic Babylon, or Jerusalem which has lost its grace. Dostoyevsky's America is a metaphor of boundless egocentrism resulting in running away from people and the inevitable turning one's heart from God.

Flight to America, in Dostoyevsky's opinion, has always been the Call of Chaos, the temptation of the irrational, in that the destructive passion is drawing a person into pitch darkness.

Keywords: America; Dostoyevsky; emigration; American Dream; mythopoetics; mythologeme; utopian consciousness; the Promised Land; the semiotics of Space.

Submitted 12 May 2015

Accepted 10 June 2015

Published 20 June 2015

10.17809/07(2015)-16

The paper has been presented at the International Scientific Conference “The Issues of Ethnic and Interfaith Tolerance in the Modern Society” in Moscow, Russia (May 28, 2015).

Citation: Renanski, A. L. (2015). Metaphysics of anti-Americanism at F. M. Dostoyevsky. In V. A. Dolzhikov (Ed.), *Proceedings of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation* (163-186). Moscow: The Global Partnership, LLC. doi: 10.17809/07(2015)-16.